

Ещё раз о войне

Автор: Гунько Светлана Ивановна, пенсионер

Место проживания: Волгоградская область, город Котово

почта: Dysha27@yandex.ru

Рассказ о военных дорогах моего деда Таможникова Василия Мироновича - реальная история. На всю жизнь я запомнила рассказы моего дедушки Василия Мироновича о Великой Отечественной войне. О тяжёлых временах он вспоминал с юмором, и только однажды, когда я решила записать его рассказы на магнитофон, он заплакал. Заплакал, рассказывая о том, как их чуть не расстреляли, когда они выбирались из окружения. Тогда я впервые увидела на лице моего деда такую нестерпимую боль и страдание, что у меня сжалось сердце от жалости к нему. Василий Миронович рассказывал о войне и пережитых послевоенных годах моему сыну Михаилу, а сын потом своему сыну Мironу. Помогли в написании рассказа также и документы, размещенные на сайте «Подвиг народа», выписки из приказов о военных дорогах и подвигах деда Таможникова Василия Мироновича. Так и только так можно и нужно сохранять настоящую правду о войне. В моем доме висят фотографии деда и бабушки, на тоненькой плёночке в кассете записан добрый и спокойный голос моего деда с воспоминаниями о Великой Отечественной войне. И мой внук Мiron, слушая эти воспоминания, с восторгом восклицает:

«Мой прадед Василий Миронович- настоящий герой!»



Таможников Василий Миронович

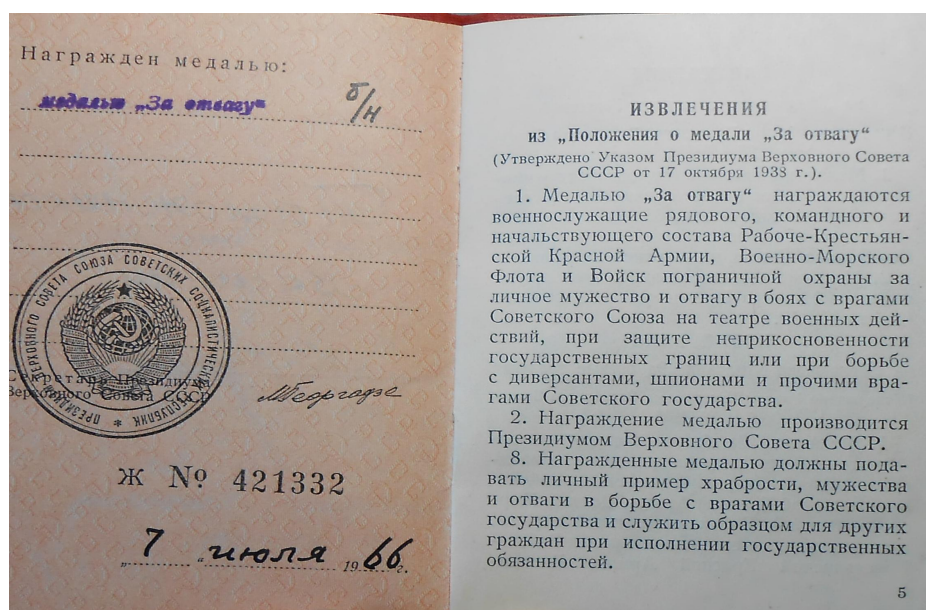
Когда закончится последняя война,
 Меня вы непременно известите,
 Гармошечку к окошку прислоните,
 И птицы защебечут мне: Весна!
 Я к вам приду ненадолго.
 Часок побуду, посмотрю цветущий сад.
 Всех обниму, сыграю свой вальсок,
 И с легким сердцем возвращусь назад.



Дед мой, Василий Миронович, часто и подробно рассказывал мне о войне. Садился рядом со мной на скамеечке, положив свои большие руки на колени, и вспоминал:

«Что и говорить, война это страшно, целые дивизии были брошены в огонь фашистов. А у наших-то солдат что? Винтовочки. Да и не все призывники были готовы к бою. Мне повезло: в октябре 1941 года послали нас под Калач

-на- Дону, дали на отделение двенадцать винтовок, по пятнадцать патронов и по две гранаты без запалов . А в 1942 году привезли нас на станцию Сватово Ворошиловградской области. Наше пополнение не успело закрепиться, а немцы уже стали нас обстреливать. Отражать удары было тяжело. Бои шли горячие- крики, суматоха, огонь и командиров не видно. А во время передышки мы поняли, что попали в окружение, непонятно где фронт, а где тыл, где наши, а где немцы. И решили мы с товарищами выбираться, идя на звук боя. На третьи сутки вышли на дорогу, а войной-то и не пахнет. Так, чуть копотью наносит и гул далёкий, словно гроза ушла. Трава не примятая , даже кузнечики стрекочут, и трава полыньком пахнет. Слышим,гудит машина, обрадовались, но нарвались на немцев. Всё, думаем -хана нам! Стоим мы, двенадцать оборванных солдатиков с закопченными лицами, на возвышенности у дороги. Останавливается грузовая машина, а в кузове немецкие автоматчики. Наставили на нас автоматы, но стрелять не стали , поехали дальше. Так мы остались живы. Страшно было, казалось, сердце перестало биться. Вот тогда-то мы и упали в траву. Видимо, земля родная нас уберегла. Решили двигаться дальше и только на девятые сутки вышли к станции Качалино.



В сентябре 1942 года нашу дивизию перебросили под Орел. До июля 1943г. я, младший сержант, воевал в 19-м стрелковом полку 307-й дивизии, был командиром отделения. В бою под Орлом я уничтожил двадцать девять фрицев и сжег один танк «Тигр». Но некому было подтвердить, вокруг не видно было ни командиров, ни живых солдат. Думал, получу Героя Советского Союза, а наградили медалью «За Отвагу», и ту вручили в 1966 году. И дали книжечку:

«Иди, Василий Миронович, получи в банке деньги». Я пошёл, там подсчитали, получилось 280 рублей. О, думаю, очень хорошо! Потом - реформа, и осталось 28 рублей. Тоже хорошо, думаю, потом ещё раз пересчитали, осталось 2 рубля 80 копеек. Доложил я 7 копеек, купил бутылку водки и выпил за медаль».

Дед опускает голову, поправляет клетчатую рубашку, вздыхает и продолжает:

«Думаешь, откуда брались силы? Сам удивляюсь. Мне-то уже тридцать пять лет исполнилось, жизнь повидал, а многим солдатам по 17-19 лет было. Не все выдерживали, под пули лезли. А надо было терпеть и голод, холод, боль и страх... Это только в кино красиво показывают про горячие обеды в котелках. А мы были голодными по двое-трое суток, полевая кухня не успевала за армией, и шли в атаку с винтовочками, зная, что идём на верную гибель. В боях под Орлом творился настоящий ад: взрывы, танки горели свечками, пожары небо закрывали. А немецких танков было - сила! Первое время у нас творилась страшная неразбериха. Поле перед нами всё горело, на земле лежали убитые - и наши, и немцы, танки раскатывали поле в огне и черном дыму. Один танкист пытался вылезти из горящего танка, но так и застрял в люке, некому было помочь. Не слышно было никаких команд. Голова раскалывалась от гула, стрельбы, огня и горького дыма».

Василий Миронович вздыхает, но смотрит на меня весело, и я не пойму, серьёзно он говорит или шутит. «А вот был такой случай . Стояли мы в обороне под селом Никольское Курской области. Там была неохраемая лощина, а на той стороне домик маленький, куда привозили обеды. По лощине мины заложены — одна рядом с другой. Мы воткнули колья там, где безопасно было ходить, и коноплю набросали- по этой тропинке бегали и за домик хоронились. Дружок мой, Сизиков Петро и говорит мне:

«Иди, Мироныч покушай, я тебе там оставил еду в котелке». Но не успел я дойти, как снаряд попал прямо в домик и одного бойца убило. Вот мой обед и взлетел в воздух, а я живой остался. Но мы продолжали бегать кушать и за печку прятались, думали, что печку-то не пробьют. В нашем взводе почему-то все время было двенадцать человек. Один приходил- двоих убивало. Голодали часто, спасибо, нашли мы погреба на нейтральной полосе, где осталась гнилая картошка. Мы из неё ночью пышки пекли. Немцы были с той стороны лощины в лесу, а мы на стороне жилых домов. Только жилыми их вряд ли можно назвать- всё сгорело. Там, под станцией Поныри, шли жаркие бои, немцы сильно укрепились, много танков у них было. Шли бои и у села Никольское. Зима была трудная, снежная, немцы сопротивлялись здорово, но наша артиллерия хорошо поддерживала пехоту, и в феврале 1943года мы взяли станцию. А в районе Понырей бои не прекращались аж до июля.



Зимой мы часто попадали в окружение. Помню, как-то затихли взрывы, Андрюшка пошёл получать провиант. Приносит хлеб, сухарики и сахар - получил на всех. Я подобрал где-то мешок и подшил под шинель- декабрь холодно было, теплого обмундирования не выдавали. Пошли мы четверо искать, где бы переночевать и в темноте я упал в траншею Сильно повредил ногу, она долго потом болела. Поселок весь выгорел, но мы нашли маленький домик. Хозяйка говорит:

«Ребята, я бы вас приняла, но места мало».

Но сжалилась и пустила, мы , сидя, переночевали, а утром, смотрим, маршевая рота ушла без нас. Старшина говорит:

«Хорошо что отстали,у меня еда осталась».

Вот набрали мы продуктов: хлеба, сухариков, сахар, консервов. Считаю- повезло! А еще был такой случай. Как-то раз совсем у нас животы подвело- два дня полевая кухня не могла добраться до нашей дивизии. А тут праздник: подъехали повозки, поставили палатку, дымок пошёл, запахло едой. Обрадованные солдатики побежали к палатке. Ванюшка, мой товарищ, торопит меня, а у меня, как назло, нога онемела. Я нагнулся, чтобы размять

ногу в сапоге, и тут раздался взрыв. Снаряд попал прямо в палатку. Все погибли.

Я лежал на земле, отброшенный взрывом , и возле меня упал сапог Ивана с оторванной ногой . Ой-ёй! В глазах у меня потемнело, я долго не мог справиться с головокружением и шумом в ушах. Потом часто снился мне мой Ванюшка. К вечеру набралось нас человек десять живых, досидели мы до ночи в траншее, а потом пошли к станции Поньри. Нашли возле станции мешок с крупой и комбижиром. Вот это была удача! Наварили этой крупы, наелись, ночевали в блиндаже ,а на ночь выставили охрану. Утром прибегает офицер и кричит:

«Танки! Много, целая туча прет!»

Побежал я к блиндажу своих ребят предупредить. Я хоть и маленький был, но начальник. Приказываю, чтобы половина взвода, а это всего-то шесть человек наступала на танки, а остальные пошли в обход . Думали зайти немцам в тыл. Тогда мно народу выбили, но мы благополучно схоронились в саду, который был рядом, нас не заметили. Вот тебе и тыл. К вечеру пересекли ложину и дошли до села Никольское, там меня ранило в ногу и в руку. Я и число запомнил - 8 июля 1943года. Кровь хлестала прямо в сапог, Яков Тимофеевич Скачков, который раньше был санитаром в санчасти, перевязал мне ногу и руку».

Дед смешно поджимает губы и вспоминает о своем ранении, как будто это было вчера, и продолжает:

« В санчасти майор говорит: « Вас у меня пятьсот человек раненых, всех взять не могу, кто может идти, добирайтесь в тыл сами».

Мы с товарищами вышли на дорогу, и нас удачно подобрала машина, шофёр довёз до железной дороги. Когда ехали, видели, как шла маршевая рота -пополнение на фронт, а потом мы узнали, что у Поньрей началось наступление советских войск. И в конце июля освободили и город Орёл».

Я посмотрела на деда, на его седые, все еще кудрявые волосы, на изрытый оспинами нос и добрые прищуренные глаза. И не увидела у него на лице ни злости, ни раздражения. Спокойно, как о чём-то обыкновенном, рассказывал он о страшных деталях войны. А я все допытывалась:

«Как там, как было на Курской Дуге?»

Дед, качая головой, отвечал: «Говорю тебе, ничего мы не знали про Курскую дугу, а вот Орловское наступление для нас было смертельным - столько бойцов сложили головы, не рассказать! Сначала налетали немецкие «хенкели», земля вставала дыбом, а после - тишина. Наши позиции просто переставали существовать, живых практически не оставалось. Не всегда наши полевые командиры согласовывали свои действия с командованием, связь прерывалась, куда бежать. Военные начальники, видимо, берегли танки, пехоту выставляли вперед под огонь противника. Спасибо нашим лётчикам, помогали крепко, бомбили и бомбили. Без них бы мы там все полегли. . Под Орлом я воевал полгода , мы ходили в разведку- три группы по десять человек. Две группы на захвате и одна в обороне. Я был больше и сильнее всех, поэтому моя задача была вытаскивать раненых с поля боя».

Василий Миронович был мастеровой человек, любое ремесло ему было под силу. Знаю, что дом они с отцом Мироном Иосифовичем срубили сами , дедушка делал ульи и рамки для пчёл, прекрасные бочки. Он построил веранду к дому в станице Островская, изготовил шпалеры для винограда.

Он рассказывал: «Один раз к нам в батальон пришёл офицер, выстроил бойцов и спрашивает: «Кто знает бондарное дело? Шаг вперед!»

Я вышел и товарища, земляка моего, за собой потянул, а он мне шепчет:

« Не умею я». Я в ответ: «Научу, выходи».

5. Стрелка 4-й стрелковой роты 71 стрелкового полка красноармейца МИХРЕЙН Александр Павловича. Во время форсирования реки Опава 19 апреля 1945 года первым форсировал реку, чем увлек своих товарищей на выполнение боевого задания.

1924 года рождения, русский, беспартийный, в Красной Армии с 1942 года, призван Копейкинским РВК Челябинской области, на фронтах Отечественной войны с 1943 года, имеет одно ранение, не награжден, проживает.

6. Ездогого транспортной роты 71 стрелкового полка ефрейтора ПАВ - ЛЮН Тимофей Львовича. В боях за село Мокре Лазце 19 апреля 1945 года под огнем противника трижды доставил боеприпасы на передний край, чем способствовал отражению контратаки противника.

1906 года рождения, украинец, беспартийный, в Красной Армии с 1944 года, призван Шорским РВК Житомирской области, на фронтах Отечественной войны с 1944 года, имеет три ранения, не награжден, проживает.

7. Стрелка 4-й стрелковой роты 71 стрелкового полка младшего сержанта ТАМОЖНИКОВА Василия Мироновича. В бою за село Мокре Лазце 19 апреля 1945 года заменил вышедшего из строя командира отделения своим примером мужества увлек товарищей и первым ворвался в населенный пункт.

1906 года рождения, русский, беспартийный, в Красной Армии с 1941 года, призван Даниловским РВК Сталинградской области, на фронтах Отечественной войны с 1942 года, имеет одно ранение, не награжден, проживает.

8. Стрелка 4-й стрелковой роты 71 стрелкового полка красноармейца ЯКОВЧУКА Степана Сидоровича. Во время форсирования реки Опава, 19 апреля 1945 года первым форсировал реку и огнем ручного пулемета заставил замолчать станковый пулемет противника, чем способствовал успеху форсирования реки.

1900 года рождения, украинец, беспартийный, в Красной Армии с 1941 года, призван Мудновским РВК Житомирской области, на фронтах Отечественной войны с 1941 года, имеет три ранения, награжден медалью ЗА БОВЕННВ ЗАСЛУГИ в 1944 году.

М е д а л ь ю З А Б О Е В Н Ы Е З А С Л У Г И

1. Стрелка 4-й стрелковой роты 71 стрелкового полка ефрейтора БАРИ - НИНА Павла Лаврентьевича. Во время форсирования реки Опава 19 апреля 1945 года, проявляя мужество и отвагу в числе первых форсировал реку, чем способствовал общему успеху.

1910 года рождения, русский, беспартийный, в Красной Армии с 1941 года, призван Беловским РВК Кемеровской области, на фронтах Отечественной войны с 1942 года, имеет одно ранение, не награжден.

Отобрали нас человек двадцать и послали на Урал. Жили мы в небольшом городке, делали бочки для солений. Наверное, полгода пробыли в тылу, а от нашего батальона за это время только два бойца и осталось».

Дедушка лечился в госпитале в рабочем посёлке Рудня с июля 1943 года по январь 1944 года. Улыбаясь рассказывает:

«Прицапали мы с товарищами до Камышина, а там арбузов завались, наелись от пуза. И это было счастье! А добирались мы трудно: сначала в товарняке до Ельца, потом дали направление в госпиталь в город Грязи. Приехали, а нам говорят, что госпиталь разбомбили, поехали дальше. В Мичуринске нас в госпиталь не приняли, сказали, что переполнен, поезжайте дальше в тыл. Так мы доехали до Рудни Сталинградской области, а там недалеко и до моего дома. Госпиталь был в здании Руднянского педагогического училища. Раненые поступали даже с Украины, а в сентябре 1942 года прибыл эшелон с ранеными из Сталинграда. Раненых было много, лежали в коридорах, перевязочного материала не хватало, санитарки уносили домой тряпки и бинты стирать и гладить. Мои раны заживали хорошо, организм у меня был крепкий. У некоторых бойцов раны гноились, начинался сепсис, каждый день уносили умерших, а их место занимали вновь прибывшие. Я написал своей жене Анисье Фёдоровне письмо, и она приехала с хутора Прыдки, привезла хлеб и молока. После госпитального скудного пайка я побывал в раю - пил молоко из бутылки, ел хлеб, испечённый в печи. А еще она привезла керосин, чтобы вывести у меня вшей» .

Дед иногда прерывал рассказ, вздыхал и гладил своего рыжего кота, который пристроился возле него. Кот мурлыкал, а дед продолжал :

«После госпиталя военком приказал нам ехать на станции Матышево, на Сталинградский пересыльный пункт. А оттуда нас человек триста, повезли на барже по Волге до Сызрани. Ехали мы пять суток, а в дорогу дали нам сухариков и три селедки. Смотрю, у одного бойца, который поваром раньше работал, большой мешок . Вот я и говорю своему товарищу:

« Ложись возле мешка рядом и посмотри, что у него там ».

А этот боец с мешком оказался с хутора Попки, считай земляк. Я поинтересовался :

«Что у тебя в мешке?» А у него там были печатки с пшеном».

Увидев мое удивленное лицо, дед объяснил:

«Это пшённая каша в пачках по 200грамм, такие выдавали в сухом пайке».

Дед продолжал: «Спрашиваю :

«Поделишься с нами ?»

« Поделюсь», -отвечает он.

Так мы доехали до Сызрани. Потом пересадили нас на поезд. Отоварили опять же по 300 грамм сухариков и по 2 кусочка сахара. На каждой станции останавливались и забирали новых бойцов. Смотрим, на одной станции бабка продаёт пышки с картошкой по 10 рублей , а у нас денег нет. Я и говорю своему товарищу:

«Ты зайди сзади да и стукни по корзине».

А я своих товарищей предупредил: «Приготовьтесь собирать!»

Мой товарищ стукнул по корзине, пышки разлетелись, а мы их расхватили. Я ухватил аж семь пышек, Андрюшка восемь. А что делать? Голодные были , подыхать -то неохота...

Из Сызрани повезли нас в Москву , а мы с товарищами отстали- нас попросили поработать на мельнице. Прибыли мы в Москву на станцию Кашира 18 января 1944 года, а потом направили меня под Горький учиться на курсы младшего комсостава. Отучился я и вернулся в свою часть. А тут вызывает меня командир:

«Мироныч! Можешь сделать мне деревянный чемодан? Дам отпуск».

На следующий день он назначил меня столярничать -рамы делать. Товарищ мой, который обмерял окна, залез на крышу, упал и убился. Эх, и войны-то не видел. Потом направили меня в город Муром и присвоили звание младшего сержанта. Построили нас,несколько человек, в казарме, выдали по бельгийской шинели, крепкая шинель , теплая. Спрашиваем: куда нас? Командир отвечает:

« Нужны дельные бойцы ». Составили команду: Колю Жильцова, Федю из Аральского моря, Ванюшку из Коми ССР и еще четырёх человек. Но на войну сразу мы не попали, целый месяц лечили нас от педикулёза. Повели

всю команду в баню и выдали новое обмундирование. А старую одежду мы прожарили в баке и обменяли на литр водки. Пока полевой кухни не было, мы ходили в деревню Таракановка, там варили мясо. Приходим утром , а связист сообщает:

« Ваша команда отправляется на задание , идите к генералу в Муром» .

В январе 1944 года нас определили в 52-й учебный полк 14-й артиллерийской дивизии и направили в Польшу. Месяц целый поездом добирались до Кракова , а оттуда до Котовиц. С войсками форсировали реку Прут, с боями взяли город Рацибуж. К этому времени все чувства притупились: все бегут , орут, взрывы, огонь, а не страшно. Надеялся на судьбу. Жена , Анисья Фёдоровна, зашила мне в рубашку молитву «живая помощь», но я её где-то потерял. И вспоминать не хочется. В Польше узнал, что такое «бимбер»-так поляки называли свой самогон. После войны я всех в своей семье приучил к этому слову, остальные и не догадывались, что за «бимбер» такой!»

Дед прищуривается, словно что-то увидел в глубине сада, улыбается и продолжал вспоминать:

«Войну я закончил в Чехословакии в 113-м гвардейском полку 38-й гвардейской стрелковой Лозовской Краснознаменной дивизии».

Последние месяцы войны дед вспоминал особенно охотно . Вот интересный случай, о котором он всегда рассказывал со смехом:

«В Чехословакии разбили склад с продуктами, один наш сослуживец набрал себе мёду печатного в коробочках по 400 грамм и бочонок пива. Мы попросили его поделиться, а он отказался. Такое на войне было не принято, и бойцы решили его проучить. Я сказал Феде:

«Ты отвлеки его , а мы стащим мёд и пиво».

Стащили , но где же спрятать? Я предложил сделать ямку возле туалета , поставить туда бочонок и прикрыть хвойными ветками. Бойцы идут в туалет

с ложками, медку зачерпнут и пиво хлебнут. А жадюга никак не мог понять, почему ребята такие довольные и пахнут мёдом, да еще и смеются над ним».

Мне особенно нравится эпизод из военной биографии деда, который стал настоящей легендой в нашей семье. Смеясь, он рассказывал:

«В Германии был у меня интересный случай. Уже после окончания войны мы со старшиной ездили получать сахар на роту в городе Шнайдемюль. Кругом развалины, пахнет гарью. Возвращаемся обратно и видим, по обочине идёт фрау, закутанная в платок. Оглянулась на телегу и отпрянула в сторону, но потом решила и замахала руками. Мы остановились, она забормотала что-то по- немецки.

Я Ивану говорю : «Давай возьмем?»

«Так не велено же брать гражданских», - ответил он.

Но мы всё же решились и взяли, немка уж больно жалкая была. В руках она несла небольшой баул, какие бывают у врачей. Едем, а возле оврага яблони росли. Мы остановились , фрау пошла за яблоками, а баул на телеге оставила. Ну я и открыл его, а там какие-то тяжёлые свёртки , а сверху насыпаны золотые монеты. Эх, ма! И решил я взять четыре монеты , а потом подумал: а ну как немка их пересчитает и обвинит меня в воровстве !

Фрау прибежала обратно, уселась и опять схватила свой баул. На окраине города мы её высадили, она долго кланялась и всё повторяла: данке, данке.

А день Победы мы праздновали только 22 мая в Чехословакии . Постирали шинели и бельё, привели себя в порядок. На праздник чехи дали нам вино, водку, маленькие пирожки. Это было хорошо.

Но и после капитуляции немецкой армии в Чехословакии гибли наши товарищи. В местных лесах было полно переодетых эсэсовцев , бандеровцев и крымских татар, которые занимались грабежами и разбоем.

Однажды бойцов нашей роты отправляли на рубку леса. Четыре машины уехали, а мне и мне и четырём моим товарищам-землякам места не хватило, командир сказал:

«Оставайся Мironыч, поедете на следующей машине». Потом мы узнали, что все наши бойцы погибли, их расстреляла банда немецких офицеров и бандеровцев, которые прорывались через линию фронта» .

На всю жизнь я запомнила рассказы моего дедушки Василия Мироновича о Великой Отечественной войне. О тяжёлых временах он вспоминал с юмором, и только однажды, когда я решила записать его рассказы на магнитофон, он заплакал. Заплакал, рассказывая о том, как их чуть не расстреляли, когда они выбирались из окружения. Тогда я впервые увидела на лице моего деда такую нестерпимую боль и страдание, что у меня сжалось сердце от жалости к нему. Василий Миронович рассказывал о войне и пережитых послевоенных годах моему сыну Михаилу, а сын потом своему сыну Мironу. Так и только так можно и нужно сохранять настоящую правду о войне. В моем доме висят фотографии деда и бабушки, на тоненькой плёночке в кассете записан добрый и спокойный голос моего деда с воспоминаниями о Великой Отечественной войне. И мой внук Мiron, слушая эти воспоминания , с восторгом восклицает:

«Мой прадед Василий Миронович- настоящий герой!»

А еще я нарисовала небольшую акварель, на которой по летней тропинке едет на велосипеде мой дедушка Василий Миронович. Эта солнечная тропинка пролегает через мое сердце, она навсегда соединяет меня с прошлым, где жил, работал , воевал с фашистами, занимался пчелами , играл на гармошке мой славный дед Василий Миронович Таможников.